

А. Н. Новожилов

Дискуссионное поле этнографии
колхозного крестьянства
рубежа 1940–1950-х годов

Новожилов Алексей Геннадьевич, Санкт-Петербургский государственный университет (С.-Петербург), кафедра этнографии и антропологии, заведующий кафедрой, доцент, кандидат исторических наук; novogilov@mail.ru

Изучение этнографии современности в советской науке можно назвать «мерцающей» темой. Интерес к ней возник и быстро сходил на нет с определенной периодичностью: в первой половине 1930-х гг., на рубеже 1940–1950-х, на рубеже 1960–1970-х и, наконец, во второй половине 1980-х. У каждой из этих научных кампаний был свой специфический импульс, методические ориентиры и дискуссионное поле.

Данный доклад посвящен истории важнейшего направления изучения современности конца 1940 – начала 1950-х гг. – этнографии колхозного крестьянства. В частности, речь пойдет об обсуждении объекта исследования. Спор шел о том, насколько широк должен быть исследовательский охват при комплексном анализе культуры и быта колхозов. Можно выделить две крайние точки зрения. Первая: объектом исследования должно быть село без учета колхозного производства, где колхоз выступает «черным ящиком», забирающим время и выдающим средства к существованию; вторая: колхоз и село неразделимы, а следовательно, изучение труда в колхозах, реальных доходов и получаемых благ колхозников тоже является этнографической темой. Отдельные полевые исследования проводились по обоим направлениям, но ни те, ни другие так и не стали мейнстримом отечественной этнографии.

Показательно, что другие атрибуты исследования не обсуждались: все сходились во мнении, что предметом является этническая специфика колхозного быта, а методом – полевое стационарное изучение отдельных колхозных сел.

Ключевые слова: история отечественной этнографии, дискуссии, этнографическое изучение современности, этнография колхозного крестьянства.

Вопрос об объекте полевого исследования перманентно обсуждается в этнографической науке. В каждый новый период ее развития появляются новые нюансы, определяющие экспедиционные задачи и способы их решения. В изучении этнографии колхозного крестьянства середины XX в. ключевым явился вопрос о месте описания самого колхоза, как экономического, технологического и культурно-бытового явления, в этнографическом тексте¹. Игнорировать колхоз, прочно вошедший в жизнь крестьян, и сосредоточиться исключительно на историко-этнографических реконструкциях доколхозных традиций деревни к концу 1940-х гг. стало невозможно.

Встал вопрос: насколько же глубоко изучать и масштабно описывать колхозную часть жизни крестьян? Ответ на него зависел и от источниковой базы (с какой колхозной документацией исследователь может познакомиться в поле), и от идеологического давления (все ли колхозы могут изучаться или только образцово-показательные), и, самое главное, от определения объекта этнографии современности.

В начальной фазе развития этнографии современности (термин, объединявший этнографию колхозников и рабочих) основным объектом исследования признавались социалистические изменения в традиционной культуре представителей разных народов. Первая публикация, затронувшая эту проблему, принадлежала Л. П. Потапову и была посвящена изменениям в традиционном хозяйстве и быту алтайцев. В ней подчеркивались организационные и технологические изменения, рост потребления промышленных материалов, само описание носило масштабный характер – сразу о всех группах алтайцев. Показателен целеполагающий посыл Леонида Павловича: «За годы полевой работы накопился существенный материал по этой теме»².

Главным, по сути, непреодолимым недостатком такого подхода к этнографии современности являлось противоречие между стремлением советского общества к унификации сельского быта по «городским» стандартам и методической ориентацией этнографии на уникальность научного факта.

Преодоление этого несоответствия ученым-лидерам Института этнографии виделось в детальном изучении всех элементов материального, социального и духовного миров в их масштабных изменениях. Предполагалось, что именно детали перехода и отвечали критерию специфики преобразований у представителей разных народов.

В 1948 г. основной темой полевых работ руководство Института этнографии объявило монографическое описание националь-

ных колхозов³. Первая отчетная статья была опубликована уже в 1949 г. Т. А. Жданко значительное место в отчете отвела собственнo колхозной тематике: основным экономическим показателям артели, социокультурному строительству на селе, деятельности общественных организаций⁴.

С. П. Толстов, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов (именно в таком порядке) настаивали на всестороннем описании хозяйства и организации труда исследуемого колхоза, вплоть до раскрытия содержания трудодня или описания помощи со стороны МТС⁵. Однако на практике все сложилось иначе. Большинство работ оставались в поле классической этнографии: на место традиционного жилища пришло жилище колхозника, вместо традиционной одежды – одежда колхозницы. Необходимо было выработать такую стратегию полевой работы, которая не расходилась бы с принципами этнографического поля и в то же время давала возможность получить качественно новые материалы об изменениях в традиционных культуре и быту.

Обсуждение этой проблемы состоялось на этнографическом совещании 1951 г., где отдельное заседание было посвящено этнографии современности. Отчет об этой дискуссии очень краток, но из опубликованных работ можно составить представление как об идеях самих авторов, так и цитируемых ими неопубликованных докладах. Большинство обсуждаемых вопросов сводилось к объекту исследования.

Массовую полемику вызвал вопрос, касающийся принципа полевого исследования: что важнее, монографическое описание колхозов или тематическое обследование различных сторон жизни колхозников. Поскольку этот спор сродни спору о курице и яйце, то и вывод был такой же: в одних случаях важнее первое, в других – второе.

Еще одну проблему поднял Н. Н. Чебоксаров. Он отметил, что в среде представителей разных народов, живущих на одной территории и ведущих аналогичное или взаимодополняемое хозяйство, процессы колхозного строительства схожи, и изменения в быту и культуре идут по одному пути. Поэтому объектом исследования могут стать регионы, процессы внутри которых достаточно однотипны, однако сами регионы значительно различаются.

В развитие этой идеи Л. П. Лащук и О. Н. Воздвиженская предложили зональные исследования (крупные территории, охватывающие территории традиционного проживания целых народов)⁶, а Н. И. Воробьев – районные (небольшие территории, размером с административный район)⁷. К сожалению, эта замечательная

идея так и не была реализована, поскольку требовала масштабного финансирования.

Острая дискуссия разгорелась и по поводу дихотомии объекта исследования – колхоз/село. Она сопровождалась резкими высказываниями и получила реальное продолжение в практике полевых исследований колхозов. Спор шел о том, насколько глубоко и широко полевая исследовательская программа должна захватывать экономику, агротехнику и технологию колхозного производства. Можно выделить две крайние точки зрения: первая – объектом исследования должно быть село без учета колхозного производства, где колхоз выступает «черным ящиком», забирающим время и выдающим средства к существованию; вторая – колхоз и село неразделимы, а, следовательно, изучение труда в колхозах, изучение реальных доходов и получаемых благ колхозников тоже являются этнографической темой⁸.

Учитывая, что на момент проведения совещания собранного полевого материала было мало, а научных публикаций по этой проблеме еще меньше, следует признать, что основательность высказанных идей отличалась глубиной. В пользу первой точки зрения П. И. Кушнер приводил следующие аргументы: неподготовленность этнографов в указанных технико-экономических сферах, отсутствие этнической специфики в них и более широкая палитра жизни сельских жителей, нежели собственно колхозное производство. То есть исследовательской единицей должно быть село, а не колхоз⁹.

Эта позиция, ориентированная на традиционный объект, была более близка исследователям в силу умения этнографов абстрагироваться от внешних социальных и политических влияний, скажем, от государственной аграрной или колониционной политики. Кроме того, она снимала организационные трудности, возникающие при сборе колхозной документации.

Н. А. Кисляков возражал, аргументируя тем, что раз научились изучать технологии и бюджеты традиционного хозяйства, то и колхозные научимся, а для решения самых сложных вопросов необходимо создавать комплексные экспедиции, с участием соответствующих специалистов. В отношении схожести технологий было сказано следующее: «...если в Средней Азии и Сибири применяется трактор или культиватор, это не значит, что наши монографии будут похожи одна на другую». Наконец, село и колхоз настолько связаны между собой, что трудно провести грань, где заканчивается колхоз и начинается село. А возникновение новых поселков под эгидой колхоза и вовсе явление, которое не относится к сельской традиции¹⁰.

В дальнейшем, хотя и не долго – до середины 1950-х гг. – проводились экспедиционные исследования отдельных национальных колхозов в различных республиках СССР. Методический аппарат, в зависимости от выбора руководителя, был в большей или меньшей степени ориентирован на изучение колхозов.

Однако эти исследования так и не стали мэйнстримом отечественной этнографии. В итоге победило желание сотрудинок Института этнографии сосредоточиться на написании томов серии «Народы мира». Это давало больше свободы и более ощутимый результат. К тому же, администрация Института так и не решила вопрос о дополнительном финансировании, а сам С. П. Толстов был больше увлечен археологией, чем новым бытом колхозного крестьянства.

---

¹ Изучение этнографии современности в советской науке можно назвать «мерцающей» темой. Интерес к ней возникал и быстро сходил на нет с определенной периодичностью: в первой половине 1930-х гг., на рубеже 1940–1950-х, на рубеже 1960–1970-х, и, наконец, во второй половине 1980-х. У каждой из этих научных кампаний был свой специфический импульс, методические ориентиры и дискуссионное поле. В данном докладе речь пойдет об изучении этнографии колхозного крестьянства конца 1940 – начала 1950-х гг.

² Потапов Л. П. Опыт изучения социалистических культуры и быта алтайцев//Советская этнография. 1948. № 1. С. 107.

³ Корбе О. А. Сессия, посвященная итогам экспедиционных работ 1948 г.//Советская этнография. 1949. № 3. С. 208.

⁴ Жданко Т. А. Быт каракалпакского колхозного аула//Советская этнография. 1949. № 2. С. 35–58.

⁵ Корбе О. А. Указ. соч. С. 209.

⁶ Воздвиженская О. Н., Лашук Л. П. О некоторых вопросах этнографического изучения колхозного крестьянства//Советская этнография. 1952. № 1. С. 149–153.

⁷ Воробьев Н. И. К вопросу об этнографическом изучении колхозного крестьянства//Советская этнография. 1952. № 1. С. 142–146.

⁸ Показательно, что другие атрибуты исследования не обсуждались: все сходились во мнении, что предметом является этническая специфика колхозного быта, а идеальным методом – полевая стационарная экспедиция, при допущении исследования отдельными наездами.

⁹ Кушнер П. И. Об этнографическом исследовании колхозного крестьянства//Советская этнография. 1952. № 1. С. 135–141.

¹⁰ Кисляков Н. А. К вопросу об этнографическом изучении колхозов//Советская этнография. 1952. № 1. С. 146–149.

A. G. Novozhilov

The Discussion Field Around the 1940–1950s
Collective Farm Peasant Ethnography

Novozhilov Alexey Gennadievich, The Saint Petersburg State University (St. Petersburg), the Department of Ethnography and Anthropology, head of department, associate professor, Ph. D. (History); novogilov@mail.ru

The modern ethnography studies in the soviet times were a “blinking” subject, so to speak. The interest to them flared up and quickly extinguished at certain intervals: in the early half of the 1930s; in the late 1940s–early 1950s; in the late 1960s–early 1970s, and, finally, in the latter half of the 1980s. Each of those research campaigns had its own specific drive, method benchmarks and discussion field.

This paper deals with the history of one of the key modern ethnography fields of the late 1940s–early 1950s – the ethnography of collective farm peasants. In particular, it discusses the object of the study. The disputed issue was how broad the research coverage had to be for comprehensive analysis of collective farms culture and everyday life. There were two extreme points of view. The first one declared that villages should be studied with no regard to collective farm production; collective farms were, in their opinion, supposed to be “black boxes” of sorts where time comes in and money comes out; the second one posited that collective farms and village life were inseparable and therefore studying people’s work at collective farms, their real wages and benefits was a subject for ethnography as well. Some field studies were done following both theories, but neither managed to become the Soviet ethnography mainstream.

It is revealing that no other research attributes were discussed: everyone agreed that the subject of their studies was the ethnic specifics of the collective farm way of life, its method: stationary field research of certain collective farm villages.

Keywords: the Soviet ethnography history, discussions, ethnography of modern times, ethnography of collective farm peasantry.